

Текст · 13 сентября 2024, 10:57

Ольга Ромашова,

Репрессировать посмертно и повторно. Юристы и историки — об инициативе Генпрокуратуры по пересмотру решений о реабилитации

В июне этого года правительство изменило Концепцию по увековечению памяти жертв политических репрессий, действовавшую с 2015 года. Из документа пропала характеристика репрессий в СССР как «массовых», зато появилось утверждение, будто амнистия 1955 года привела к «реабилитации и обелению пособников нацистов и изменников Родины, служивших в прибалтийских, украинских и иных карательных подразделениях».

9 сентября в открытом доступе появился проект приказа генпрокурора Игоря Краснова, который в соответствии с обновленной концепцией поручил «на постоянной основе организовать работу по выявлению и отмене» решений о «реабилитации и оправдании лиц, виновных в совершении тяжких и особо тяжких преступлений, военных преступлений, преступлений против мира и человечности».

«Медиазона» расспросила исследователей государственного террора и юристов о том, как может выглядеть эта «работа» на практике и почему российские власти пришли к пересмотру итогов реабилитации.

Старший юрист «Мемориала» Григорий Вайпан

«Официально объявлено начало кампании по дереабилитации жертв советских репрессий. Это мерзко и жутко», — говорит старший юрист «Мемориала» Григорий Вайпан.

Судя по проекту приказа, речь идет об осужденных за измену Родине и пособничество нацистам в годы Второй мировой войны, однако на самом деле эти люди и так никогда не подлежали реабилитации, подчеркивает он. Статья 4 закона «О реабилитации жертв политических репрессий» 1991 года не допускает реабилитацию тех, кто совершил военные преступления, участвовал в разведывательных, карательных и боевых действиях немецкой армии или полиции, совершал насильственные действия против мирного населения или военнопленных.

Другое дело, что в 1955 году Верховный Совет СССР отдельным указом амнистировал советских граждан, которые «по малодушию или неосознанности оказались вовлеченными в сотрудничество с оккупантами», в том числе «осужденных за службу в немецкой армии, полиции и специальных немецких формированиях».

Таким образом, полагает Вайпан, Генпрокуратура не различает амнистию и реабилитацию. Юрист называет это «подменой понятий и переписыванием истории в угоду политической конъюнктуре». Амнистия предусматривает освобождение от наказания, но не отмену приговора и реабилитацию. Многие из амнистированных в 1955 году

впоследствии не были и не могли быть реабилитированы, напоминает Вайпан.

Он прогнозирует, что теперь отмена реабилитации будет грозить во всех «пограничных случаях», когда люди вынужденно сотрудничали с оккупантами (были сельскими старостами, служили в полиции или становились осведомителями), но не совершали насильственных преступлений.

«По таким делам в 1990-е и 2000-е годы прокуратура людей последовательно реабилитировала, и это соответствовало статье 4 закона о реабилитации», — говорит юрист.

Впрочем, Вайпан не боится, что теперь «можно ожидать массовых пересмотров»: у прокуратуры просто не хватит времени и рабочих рук на десятки тысяч дел.

«Но начнется показательное выявление и публичное посмертное шельмование "коллорабационистов" и "бандеровцев", — опасается он. — Государственные медиа будут использовать эти поводы для пропаганды ненависти и войны».

«Страшен сам принцип, когда прокуратура спустя много лет заявляет, что будет отменять свои собственные решения о реабилитации, — добавляет юрист. — Государство, ранее уже признавшее свою вину в незаконном преследовании человека, говорит: "А мы взяли и передумали!". Ничто не мешает этот подход распространить и на любые другие дела».

Начиная с 1991 года прокуратура на основании закона о реабилитации систематически изучала политические уголовные дела и выносила по ним заключения, говорит Вайпан.

«Теперь они возьмут стопку с "оправдательными" заключениями и будут в них выискивать огрехи, — прогнозирует он. — Если прокурор посчитает, что человек был осужден обоснованно, то он отказывает в реабилитации. Для этого ему не нужно обращаться в суд».

Это решение смогут попытаться оспорить родственники осужденного или общественные организации, однако суды в таких делах обычно занимают сторону прокуратуры, напоминает Григорий Вайпан.

Бывший сотрудник отдела реабилитации жертв политических репрессий Генпрокуратуры, адвокат Игорь Волчков

Адвокат Игорь Волчков, который в 2002–2005 годах работал в отделе реабилитации жертв политических репрессий Генпрокуратуры, предполагает, что под пересмотр могут попасть решения о реабилитации осужденных за «контрреволюционную деятельность» по разным пунктам знаменитой 58-й статьи^[1].

В проекте Краснова упоминаются «виновные в совершении тяжких и особо тяжких преступлений», напоминает Волчков, а, например, статья 58-10

УК РСФСР (антисоветская агитация и пропаганда) предусматривала наказание вплоть до «высшей меры социальной защиты», то есть расстрела, отмечает он.

Адвокат удивлен, что Генпрокуратура планирует пересматривать дела, которые касаются давно умерших людей. «Будут пересматривать посмертно, репрессировать повторно», — разводит руками он.

Волчков рассказал «Медиазоне», что когда он работал в отделе реабилитации, в основном прокуроры занимались делами о побегах из мест заключения, которые квалифицировались как контрреволюционный саботаж (статья 58-14). В лагерях будущие беглецы чаще всего оказывались не по политическим, а по бытовым статьям: кражи, грабежи. Такие дела, по словам адвоката, «мешками» поступали из регионов, где раньше располагались лагеря ГУЛАГ.

«В архивах сидели прокуроры, выбирали эти 58-е, направляли с представлением в Генпрокуратуру, Генпрокуратура направляла в Верховный суд. Суд переквалифицировал на статью о побеге и вместо расстрела назначал три года лишения свободы», — рассказал Волчков.

Кроме того, отдел реабилитации занимался массовой «заменой одних справок на другие»: в 2000 году Конституционный суд закрепил за детьми репрессированных статус репрессированных, а не просто пострадавших от политических репрессий, что предполагало дополнительные льготы.

Также прокуроры проверяли на соответствие российским законам справки о реабилитации, выданные в других бывших советских республиках. Волчков вспоминает, что много обращений поступало от западных украинцев, высланных в Коми. Генпрокуратура направляла запрос в Украину, чтобы выяснить, на каком основании человек был реабилитирован, и после выносила заключение.

«Были как отказы, так и признания. Отказы — это в основном кто с оружием в руках сражался против советской власти. Всех остальных признали реабилитированными по нормам российского закона», — объясняет бывший работник прокуратуры.

В 2005 году этот отдел реабилитации был ликвидирован.

«Ходил слух, что главный^[2] сказал [тогдашнему генпрокурору Владимиру] Устинову: "Хватит полоскать доброе имя органов госбезопасности. Почему у вас в аппарате вообще отдел с таким названием?"» — рассказывает Волчков.

**Исследователь политики памяти,
социолог Дарья Хлевнюк**

Социолог, исследователь политики памяти Дарья Хлевнюк говорит, что если генпрокурор Краснов утвердит проект приказа, последствия для людей, которые занимаются изучением государственного террора и увековечением памяти его жертв, будут «самые печальные».

В последние годы исследователи и так не чувствовали себя в безопасности. «Они должны были все время делать какие-то оговорки, что-то не говорить, свою работу особо не выводить в публичное пространство», — признает Хлевнюк. Теперь же власть подает «внятные сигналы, что это реально опасно».

«Часть жертв, которых музей показывает в своих экспозициях, которые упоминаются в книгах памяти, чьи имена зачитываются во время "Возвращения имен", будут признаны преступниками. Потенциально те, кто занимаются увековечением памяти этих людей, так или иначе участвуют в "оправдании нацизма и фальсификации истории"», — предупреждает исследователь.

Старая версия Концепции по увековечению памяти жертв политических репрессий «обладала довольно сильным символическим значением» и позволяла вести работу в поле, говорит Хлевнюк: эту бумагу можно было показать региональным чиновникам, когда их согласие требовалось, чтобы установить памятник, получить помещение под музей, провести школьный конкурс.

В обновленной версии концепции говорится, что «наиболее значимые проекты в области увековечения

памяти» о репрессиях будут завершены к концу 2024 года.

«Фактически это означает, что людям, которые реально этим занимаются, надеяться совершенно не на что, потому что им прямым текстом сказали: "Все, вся ваша работа закончена. Теперь просто придет прокурор, пересмотрит какие-то решения, а вы идите лесом"», — подводит итог социолог.

Ликвидация «Мемориала» в декабре 2021 года стала важной вехой на пути к полному вытеснению репрессий из памяти общества, говорит Хлевнюк.

До этого отношения исследователей этой темы с властями строились «на полунамеках, какие-то были шаги немножко навстречу, как бы, вот здесь мы разрешим, а вот здесь не разрешим» — работа с памятью о государственном терроре «существовала, как многие вещи в гражданской среде в России, в каком-то немножко сумраке».

Ликвидация «Мемориала» стала «выходом из этого сумрачного состояния», и теперь власти «практически выпихивают всю эту тему в партизанщину».

Социолог напоминает, что хотя в 1990-е «новые политические элиты пытались показать разрыв с коммунизмом», разговор о преступлениях прошлого в России стал быстро сворачиваться.

«У государства есть некая государственная политика, есть некие задачи. Политика памяти подчиняется в данном случае исключительно этим задачам. Память

о победе в Великой Отечественной войне удобна. Террор неудобен, там много вопросов. Не может быть никакого национально-освободительного движения [на оккупированных территориях], это все преступление. Все любят Советский Союз, потому что Советский Союз выиграл в войне», — объясняет она логику официоза.

Дарья Хлевнюк добавляет, что «во всем мире память о государственном терроре идеологически связана с разговором о демократических ценностях, о неповторении насилия и о развитии поддержки прав человека» — и именно поэтому «история про советские репрессии оказывается не очень интересной» для нынешних властей.

Редактор: Дмитрий Ткачев

1. Обиходное название статей из главы УК РСФСР о «контрреволюционных преступлениях». В редакции 1926 года глава насчитывала более 20 политических статей.
2. Владимир Путин.